

Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету

Волосник Ю. П. Соціальний портрет нєпмана України: мифы и реальность // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза.1920 – 1950-е годы) / Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. – Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004. – С. 65 – 78.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ НЭПМАНА УКРАИНЫ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В современных условиях в Украине, как и на всём постсоветском пространстве, происходит непростой и противоречивый процесс становления экономики, основная фигура которой — частный предприниматель, чей образ в глазах широких слоёв населения наделён резко отрицательными чертами, нередко криминального свойства. Истоки такого восприятия частного предпринимателя и предпринимательской деятельности коренятся в нашем прошлом, поэтому актуальным является объективное изучение развития частного предпринимательства на различных этапах отечественной истории. Особый интерес в этом плане представляет период нэпа, реалии которого во многом напоминают современность. Ушедшая эпоха оказалась поистине необыкновенно «плодотворной и щедрой» на создание мифов о предпринимателях и предпринимательской деятельности. Эти мифы оказались чрезвычайно устойчивыми, прочно укоренившимися в общественном сознании не одного поколения наших соотечественников.

К сожалению, в отечественной историографии (главным образом советской) образ нэпмана-предпринимателя сложился крайне односторонний и карикатурный, мифологизированный, имеющий мало общего с «оригиналом» [1 — 6]. Лишь в последнее время появляются работы, авторы которых делают попытки объективного и непредвзятого изучения частнопредпринимательской деятельности в 1920-е годы, реконструирования восприятия образа нэпмана в общественном сознании [7 — 9].

Предпринимаются такие попытки и украинскими исследователями нэпа [10 — 12]. Однако систематического и комплексного исследования по данной тематике до настоящего времени не существует, что значительно обедняет наши пред-

ставления об эпохе нэпа. Заполнить в какой-то мере этот пробел и призвана настоящая статья.

Наша цель – составить представление о социальном портрете нэпмана на основе конкретного материала, показав несостоятельность ряда распространённых с эпохи 1920-х годов мифов, связанных с образом нэпмана и его предпринимательской деятельностью.

После перехода к нэпу в стране существенно активизировался процесс зарождения новой (нэпманской) буржуазии, корни которого уходят еще во времена военного коммунизма. Новая буржуазия представляла собой слой частных предпринимателей, совокупность самостоятельных в экономическом отношении субъектов предпринимательства, чья деятельность осуществлялась в сфере народного хозяйства. Используя термин «новая буржуазия», широко употреблявшийся в научном обороте, в политическом лексиконе и в публицистике во времена нэпа, автор отдаёт дань сложившейся исторической традиции, но при этом не вкладывает в данное понятие однозначно негативного, а тем более ругательного смысла.

К числу широко распространённых, начиная с 1920-х годов прошлого века, мифов о новой буржуазии относится утверждение, имеющее под собой идеологическую подоплёку, что нэпманы являлись всего лишь «осколком» класса старой досоветской буржуазии. В то же время итоги торговых переписей, проводимых в 1920-е годы и тогда же опубликованных в периодической печати, давали возможность уже в тот период сделать прямо противоположный вывод. Так, согласно проведенной в марте 1923 года переписи городской торговли, в дореволюционный период были торговцами 39 % от общего числа торговцев-нэпманов СССР [13, 1925. – 15 апр.]. В 1927 году перепись всех (городских и сельских) владельцев частных торговых заведений СССР показала, что только 28,7 % от общего числа были торговцами до 1917 года, а остальные (более 2/3) стали торговыми предпринимателями уже при Советской власти (в Украине дореволюционных торговцев имелось несколько более – 35 %) [14, с. 61]. Таким образом, в сфере торговли в годы нэпа боль-

шинство нэпманов не вело предпринимательскую деятельность до 1917 года. Для части этих новых предпринимателей занятие предпринимательством было вынужденным делом ввиду нелёгких жизненных обстоятельств или острой безработицы. К числу невольных предпринимателей следует отнести прежде всего значительную часть безработных, «сокращённых служащих», домохозяек, бывших красноармейцев и др., вынужденных искать возможности для пропитания. В промышленности, значительную часть которой нэпманы арендовали у государства, среди арендаторов бывшие хозяева составляли менее 35 % (по Украине — 40,1 %), в то время как остальная часть — это были новички, решившие использовать открывшиеся при нэпе возможности [11, с.14—15].

Кстати, адресно-справочные издания того времени, такие как «Вся Одесса», «Весь Киев», «Весь Харьков», «Вся Украина» и др., в которых фиксировались все частные торговые и промышленные предприятия, начиная с 3-го разряда (т. е. вполне капиталистического характера с наёмными работниками), свидетельствуют, что дореволюционные предприниматели в среде нэпманов составляли незначительный процент. В то же время такая разношёрстность, пестрота социально-профессионального состава новой буржуазии, а также её «атомизация», обусловленная распадом существующих связей, в немалой степени определяли её маргинальность в социокультурном отношении, в значительной степени вообще характерную для большей части новых социально-классовых образований [15, с. 108].

По своему количественному составу новая буржуазия Украины насчитывала относительно небольшую группу — всего несколько десятков тысяч человек, представлявших наиболее активный в экономическом отношении социальный слой. Вместе с семьями удельный вес нэпманов в социальной структуре республики колебался в годы нэпа в пределах 0,35 — 1,62 % [11, с. 41].

Следовательно, новая буржуазия качественно отличалась от старой досоветской условиями и средой своего существования, источниками комплектования, социально-профессиональ-

ным составом, общественно-правовым статусом, менталитетом и культурно-этическими нормами предпринимательской деятельности. Как видим, миф о том, что новая буржуазия являлась «осколком» дореволюционного «эксплуататорского» класса буржуазии, созданный партийно-пропагандистской машиной РКП(б) в 1920-е годы и утвердившийся в советской историографии, является в значительной мере несостоятельным и надуманным.

Следующим мифом, прочно утвердившимся в общественном сознании с эпохи нэпа, является миф о том, что нэпманы — это «праздный эксплуататорский класс» советского общества. Возникновению и укоренению в сознании широких слоёв советского общества образа нэпмана как «праздного эксплуататора», высасывающего «живительные соки из рабочего класса», способствовало действие ряда факторов. К ним прежде всего следует отнести пагубное влияние политики военного коммунизма, под воздействием мероприятий которого частный рынок в значительной степени был вынужден трансформироваться в подпольный с присущими ему особенностями функционирования и соответствующей мотивацией предпринимательской деятельности. Физическая ликвидация в период «красного террора», а также вынужденная эмиграция за границу десятков тысяч дореволюционных предпринимателей, представлявших наиболее цивилизованную и здоровую часть предпринимательского слоя, повлияли на процесс депрофессионализации предпринимательского корпуса страны, деградацию и существенную архаизацию форм и методов предпринимательской деятельности. Вследствие этого возник опасный «распад связи времён», образовался разрыв между старой дореволюционной и новой молодой генерациями частных предпринимателей. Этот разрыв в условиях тотальной анемии, охватившей почти все слои российского постреволюционного общества, самым негативным образом повлиял на процесс размывания профессиональной этики делового («экономического») человека 1920-х годов и традиций отечественного предпринимательства в целом. Известный украинский прозаик И. Ю. Сенченко в середине 1920-х го-

дов, характеризуя повседневное действие «нэповского утара» на современное ему общество, отмечал: «Спекуляция и голос наживы подняли чело. Новая психология родилась в этом городке, в этом буйном закутке.

«Поймали? Проворовался? Дурак, ибо концы плохо спрятал», — и ни слова осуждения. Каждый на его месте сделал бы то же самое. Закон таков: каждый ворует, растёт на спекуляции, воровстве и равнодушно закуривает папиросу, услышав о чьём-то провале. Это какая-то страсть к наживе, к деньгам, собственности, ко всему тому, что даёт материальное благополучие» [16, с. 587].

Специфические условия Советского государства, поставившего в качестве важнейшей цели (и не отказавшегося от неё и после перехода к нэпу) ликвидацию классов и прежде всего «эксплуататорских», государства, не только не стремившегося к возрождению, но, напротив, к полной аннигиляции традиций частного предпринимательства, представляли в конечном итоге главный фактор, препятствующий появлению цивилизованного типа частного предпринимателя. «Финансовая газета» в декабре 1924 года, суммируя многочисленные показания участников торгового оборота, вынуждена была констатировать, что «...наиболее добросовестные и корректные элементы из частных торговцев имеют всего менее шансов преуспеть» [17, 1924. — 9 дек.].

Свою роль сыграл и тот фактор, что после перехода к нэпу основной сферой деятельности большинства представителей частного капитала являлась торговля. Здесь функционировала большая часть нэпманов и более 4/5 их капиталов, вложенных в народное хозяйство. Причиной такого положения была не только более высокая привлекательность и доходность торговли по сравнению с остальными сферами деятельности, но и политика Советского государства, стремившегося сохранить в своих руках так называемые «командные высоты» в экономике и на законодательном уровне препятствовавшего инвестированию временно (или вынужденно) свободных капиталов нэпманов и не только в крупную, но даже среднюю промышленность. Отсутствие гарантий частной собственности также препятство-

вало потоку капиталов предпринимателей в индустрию. Упор представителей новой буржуазии не на производственную деятельность, а на развитие торгово-посреднических и спекулятивно-ростовщических операций открывал возможность отождествления предпринимательской деятельности с постыдным стремлением к наживе. Частная торговля и торговцы ежедневно «мозолили» глаза, внешне раздражали своими вывесками, витринами, рекламой, обилием товаров, значительная часть которых была малодоступна трудящимся слоям [13, 1921. – 18 окт.]. В условиях обострившегося товарного голода середины и второй половины 1920-х годов частная торговля всё больше ассоциировалась со спекулятивной деятельностью, преследующей в качестве цели получение экономически немотивированной прибыли.

Торговая деятельность в глазах широких слоёв населения не отождествлялась с «настоящей» трудовой деятельностью. Таковой по укоренившемуся в сознании представлению (особенно у вчерашних выходцев из деревни, не говоря уже о крестьянах) являлся только производительный физический труд, но никак не купля-продажа. Влияла и определённая специфика национального менталитета, например в Украине. Здесь торговля испокон веков не считалась почётным или уважаемым занятием (таковым могло быть только земледелие). В силу этого частные торговцы не могли считаться трудящимися (в этом плане общественное сознание полностью «солидаризировалось» с практикой советского классового законодательства, ограничивающего права предпринимателей как нетрудящихся). Культ делового человека, характерный для стран Запада, не был укоренён в ментальности населения дореволюционной России. Тем не менее он мог за короткое время прижиться в массовом сознании постреволюционной России, пережившей «красный террор» против представителей деловой элиты. Данное обстоятельство во многом облегчало воздействие антикапиталистической («антинэпманской») пропаганды на массовое сознание. Кстати, и в дореволюционной России к буржуазии наблюдалось пренебрежительно-порицательное отношение (причём не только со

стороны низов общества). «Слова «буржуа» и «буржуазный» в России носили порицательный характер, в то время как на Западе эти слова обозначали почётное общественное положение», — отмечал Н. А. Бердяев [18, с.217].

Большевики, руководствуясь учением К. Маркса, видели в предпринимателях прежде всего «эксплуаторов», присваивающих прибавочную стоимость, созданную трудом наёмных работников (отсюда их убеждение, что «собственность — это кража»). Функция предпринимателя как организатора производства не рассматривалась ими как первостепенный фактор экономического развития.

«Вы внушили восставшему народу, — писал В. Г. Короленко в 1920 году, — что так называемая буржуазия («буржуй») представляет только класс тунеядцев, грабителей, стригущих купоны и ничего больше... Теперь иностранное слово «буржуа» — целое огромное сложное понятие — с вашей легкой руки превратилось в глазах нашего темного народа, до тех пор не знавшего его, в упрощенное представление о буржуе, исключительно тунеядце, грабителе, ничем не занятом кроме стрижки купонов и Ваша формула подменила роль организатора производства — пускай и плохого организатора — представлением исключительно грабителя» [19, с.205].

Вопреки распространённому утверждению о нэпманах как представителях праздного «эксплуаторского класса», последним, даже занятым в сфере торговли, приходилось много и напряжённо трудиться. Труд частного торговца в 1920-е годы был нелёгким и неблагодарным, а его фактический рабочий день продолжался не 8, а 14 и даже 18 часов в день. Руководители ГПУ и председатель ВСНХ Ф. Дзержинский вынуждены были ставить в пример частного торговца-предпринимателя, который «...чтобы, удовлетворяя потребителя, с прибылью вести свое дело... готов работать днем и ночью, по 14 — 16 часов в сутки. Вследствие этого на работу, выполняемую одним частным торговцем... в кооперации нужно ставить двух, а то и больше работников» [20, с.172].

В поисках необходимых товаров, особенно в условиях товарного голода, предприниматели из Украины совершали дальние и довольно рискованные поездки в Москву, Поволжье, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию. Здесь они рисковали не только своими капиталами, но и нередко собственной свободой, поскольку легко могли подвергнуться преследованиям по обвинению в скупке и спекуляции дефицитными товарами.

Таким образом, выполняемая частными торговцами-нэпманами функция по налаживанию экономических связей между городом и деревней, а также между различными регионами страны способствовала исправлению огрехов директивного планирования и снабжению населения нужными товарами.

В промышленности роль нэпманов была также весомой. Частные предприниматели в середине 20-х годов производили 26 – 29 % промышленной продукции Украины, а товаров широкого потребления – до 39,2 – 40, 9% [21, ф. 539, оп. 5, д. 1295, л. 265; 22, с. 41].

Следовательно, расхожий миф о новой буржуазии как о праздном классе, сыгравшем в годы нэпа деструктивную роль, является несостоятельным.

В то же время нецивилизованный (или слабо цивилизованный) тип нэпмана-предпринимателя, весьма далеко отстоящий от образа идеального предпринимателя, описанного Й. Шумпетером или В. Зомбартом, – плод определённых условий советского режима, несовместимых с цивилизованными формами предпринимательства. «Современный частный капиталист в современной России – есть целиком порождение того уродливого режима бесправия, административного произвола и классовой юстиции, который до сих пор в полной неприкосновенности, – отмечал в одной из своих работ российский экономист-эмигрант И. Кон. – В таких условиях, когда специально против частного капитала как конкурента государства на экономическом поприще направляется целый арсенал средств – от тягчайших налогов и сборов до отказа в кредите, в отпуске товаров, перевозке грузов, тогда как на работу в качестве частных торговцев и промышленников могут идти, казалось бы,

только особо авантюристические элементы, причем, нажившись, тут же нажитое богатство и проматывать, ибо копить его на предмет конфискации тем или иным порядком бессмысленно» [23, с.100].

Отсутствие в годы нэпа реальных (а не декоративных) правовых гарантий частной собственности и безопасности личности самого предпринимателя делали его положение чрезвычайно уязвимым и шатким, лишённым социальных перспектив, и уж тем более не способствовали выработке у нэпманов психологии хозяина-собственника. Ежедневно и ежечасно предприниматели на собственном опыте могли убедиться, что в Стране Советов частная собственность не является ни «священной», ни «неприкосновенной». «... Чем отличается современный «нэпман» от старого купца, это тем, что он приказчик, — писала в 1923 году М. Шагинян. — Старый купец был хозяином не только потому, что у него была собственность, а потому что «принцип собственности», как таковой, стоял непоколебимо. Теперь этот принцип поколебался... Никакая частичная реставрация не вернет ему девственности. И поэтому каждый новый купец у нас ныне становится только приказчиком, а не хозяином. Пусть в его распоряжении будут лавки, товары, мешки денег: только одно изъято из его имущества — догмат собственности. А из-за этого догмата невозвратима и психология хозяина» [24, с. 17–18]. Характеризуя положение нэпмана в советских условиях, Дж. М. Кейнс, побывавший в 1925 году в СССР, сравнивал его с положением евреев в эпоху средневековья [25, с.41].

Вот типичный диалог эпохи нэпа: «Понесет ли буржуазия теперь деньги в банк?» — спросили мы одного российского буржуа в день выхода декрета о неприкосновенности вкладов. Он ответил: «Неприкосновенность вкладов? А где неприкосновенность вкладчиков? Никто не понесет» [26, с.27]. Следствием неопределённости своего положения в Советском государстве являлось недоверие к действиям власти и страх. «... Чувство неуверенности — только у нэпманов: они ни с чем не сливаются, никто не бросит им открытого взгляда, они обречены, они боятся и живут во тьме», — писал известный немецкий писатель

Курт Керстен в одном из очерков после посещения в 1922 году Советской России [27, с.198].

Ещё одним распространённым мифом было утверждение о том, что новая буржуазия якобы представляла немалую политическую опасность или даже угрозу правящему режиму, но реальная ситуация была далека от этого [28, с. 74, 78–79]. Новая буржуазия была не только отстранена Советским государством от политической жизни, но в массе своей и сама воздерживалась от участия в политических процессах, которые происходили в стране в 1920-е годы. Этому способствовали несколько факторов. Во-первых, были довольно свежи печальные воспоминания о временах военного коммунизма с его кровавым «красным террором» против представителей «контрреволюционных эксплуататорских классов». Во-вторых, репрессивная политика по отношению ко всем «инакомыслящим» (хотя и в меньших сравнительно с периодом военного коммунизма масштабах) имела продолжение и в 1920-е годы, в особенности на начальном этапе нэпа. Страх перед большевистской репрессивной машиной в значительной мере удерживал нэпманов от политической деятельности. Существовал, по крайней мере, ещё один фактор – это аморфность их структуры, рассеянность и «атомизация» контингента новообразовавшейся нэпманской буржуазии с характерной пестротой социально-профессионального состава данного слоя, что существенно мешало осознанию её представителями собственных интересов и превращало нэпманов (с присущими им мещанскими чертами) в инертную в политическом отношении массу.

Аполитичность и самоустранение представителей новой буржуазии от политики признавалась, причём публично, некоторыми деятелями большевистской партии. Так, один из идеологов РКП(б) А. Бубнов в своей довольно известной в 1920 годы книге «Буржуазное реставраторство на втором году нэпа» (1923 год) отмечал, что «...масса ...элементов «новой буржуазии» в настоящее время аполитична и в политику соваться не желает...» [29, с. 40]. В другом месте он подчёркивал, что «...у нэпмана пока еще весьма мало желания заниматься политикой, он аполити-

чен, переполнен исключительно ресторанно-вкусовыми настроениями («Ампир» и «Не рыдай» — его очередные лозунги)...» [29, с. 58]. Ещё более откровенным Бубнов был на совещании политуправлений в августе 1923 года. В своём выступлении он охарактеризовал нэпманов следующим образом: «Нужно сказать, что нашу новую буржуазию... мы можем характеризовать тем, что она страдает аполитизмом и не склонна заниматься политической. Конечно, они не против того, чтобы поворчать против советского режима и на всех углах самым гнусным образом поносить Коммунистическую партию. Это призвание их жизни, без этого они обойтись не могут. Но чтоб выработать свою политическую идеологию и мечтать о том, чтоб начать действовать против Советской власти, к этому у них нет охоты» [Цит. по: 6, с. 78].

Близкими к бубновской характеристике нэпманов являются наблюдения, сделанные одним из представителей белой эмиграции К. Борисовым, который в первой половине 1920-х годов посетил СССР: «Нынешний строй их [т. е. нэпманов — Ю. В.] не удовлетворяет, им нужны «реформы», бóльшая свобода действий, отмена всевозможных рогаток и, любопытно, персональные изменения в правительстве, которым они придают чуть ли не главенствующее значение. Но свержения Советской власти они не желают, это не в их интересах, так как одновременно было бы и уничтожением всех нэпмановских завоеваний» [Цит. по: 6, с. 78].

Вывод А. Бубнова об аполитичности подтверждают материалы многих тайных сообщений органов ЧК — ГПУ руководителям местных и республиканских органов КП(б)У о политической ситуации на местах [21, ф. 1, оп. 20, д. 1308, л. 3 об., 62; 30, ф. П1, оп. 1, д. 1126, л. 16 об.; д. 119, л. 61 об., 55].

Ситуация начала кое-как изменяться с середины 1920-х годов, в особенности с того времени, когда Советское государство начало наступление на частный капитал. В это время нэпманы начали проявлять более высокую активность, стараясь получить политические права, в их среде стали более частыми «антисоветские» разговоры и обсуждение предложения относительно необходимости создания единого представительного

органа на общесоюзном уровне, который должен был иметь функции регулирования частного рынка и защиты интересов частной торговли. Об этом свидетельствует тайный обзор политического положения в Украине за 1926–1927 годы, который прислали руководители ГПУ УССР руководству КП(б)У осенью 1927 года «За последние два года, — отмечалось в нём, — политическая активность буржуазно-нэпманских элементов в основном выразилась в стремлении к политическим правам во время кампании по перевыборам в советы и стремлении к созыву Всесоюзного съезда рыночных комитетов... Мероприятия Советской власти, например такие, как налоги и др., вызывают со стороны буржуазно-нэпманских элементов большое недовольство в виде антисоветских разговоров и высказываний по адресу Советской власти» [21, ф. 1, оп. 20, д. 2521, л. 28].

Итак, как свидетельствует указанный документ, лишь накануне свёртывания нэпа часть представителей новой буржуазии стала стремиться включиться в политическую жизнь страны. И даже в то время новая буржуазия большей частью всё ещё стояла в стороне от происходящих политических процессов, как и раньше реагируя на политические события преимущественно «антисоветскими разговорами».

Таким образом, рассмотренный выше материал показывает несостоятельность мифов о новой буржуазии, имевших идеологическую подоплёку ещё в эпоху нэпа, и прочно утвердившихся в общественном сознании нескольких поколений наших соотечественников.

Литература

1. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. — М.;Л., 1927.
2. Кондурушкин И. С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918 — 1925 годов. — М.; Л, 1927.
3. Колесников Л. Лицо классового врага. — М., 1928.
4. Броневой А. Рвачи и комбинаторы (из практики спекулятивного капитала). — Х., 1930.

5. Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е – начало 30-х годов. – М., 1978.

6. Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921 – 1925 годы). – Ч. 2. – Л., 1969.

7. Демчик Е. В. История частного предпринимательства в России в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации // Очерки истории бизнеса: Сб. статей: Спб., 2001. – С. 84 – 109.

8. Шинкарчук С. А. Конец предпринимательства в советской России: политическое окружение бизнеса и неофициальное общественное мнение // Очерки истории бизнеса: Сб. статей. – Спб., 2001. – С. 110 – 121.

9. Орлов И. Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х годов: мифы и реальность // Новый ист. вест. – 2002. – № 1. – С. 29 – 42.

10. Кульчицкий С. Комунизм в Україні: перше десятиріччя (1919 – 1928). – К., 1996.

11. Волосник Ю. П. Нова буржуазія України та розвиток приватнопідприємницької діяльності на фінансовому ринку в роки непу. – Х., 2002.

12. Сушко О. О. Особливості становлення та функціонування приватного підприємництва в Україні періоду непу (1921 – 1928): історико-теоретичний аспект. – К., 2003.

13. Торгово-промышленная газета: Орган ВСНХ СССР и РСФСР. – М., 1925.

14. Стариков А. И. К вопросу о социальной характеристике частника // Вопр. торговли. – 1929. – № 15.

15. Радаев В. В. Экономическая социология: Курс лекций. – М., 1997.

16. Сенченко І. Ю. Оповідання. Повісті. Спогади. – К., 1990.

17. Финансовая газета: Орган НКФ СССР, Госбанка СССР, Промбанка, Сельхозбанка, Торгбанка СССР и ЦК Союза фин.-банковских работников. – М., 1924.

18. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. – М., 1990.

19. Короленко В. Письма к Луначарскому // Новый мир. – 1988. – № 10.

20. Валентинов Н. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время нэпа. Воспоминания. – М., 1991.

21. Центральный государственный архив общественных объединений Украины.
22. Сігал Б. В. До питання про приватний капітал на Україні: Стат.-екон. нариси. – Х., 1929.
23. Кон И. Опыт советской национализации // Нэп: взгляд со стороны: Сб. статей. – М., 1991.
24. Шагинян М. В стране коньяка и хлопка // Россия. – 1923. – № 6.
25. Новое время. – 1990. – № 33.
26. Членов С. Экономическая политика и революционная законность // Народное хозяйство. – 1921. – № 8–9.
27. Керстен К. Обновление // Глазами иностранцев, 1917 – 1932. – М., 1932.
28. Хохунова О. И. Партийная печать в борьбе с буржуазной идеологией сменовеховства в первые годы новой экономической политики (1921 – 1923 годы) // Сб. науч. работ кафедр марксизма-ленинизма, политической экономии и организации производства Ивановского энергетического института. – Иваново, 1958. – Вып. 1.
29. Бубнов А. Буржуазное реставраторство на втором году нэпа. – Пг., 1923.
30. Государственный архив Харьковской области.

Гунтер Фридрих
(Бохум, Германия)

НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ХАРЬКОВЕ

Попытка описать повседневную жизнь в Харькове во время немецкой оккупации со всех её сторон могла превзойти все возможные рамки этой статьи. Поэтому я хотел бы остановиться на одной части этой темы, а именно: на изменениях в немецкой оккупационной политике и её влиянии на повседневную жизнь города в связи с изменившейся военной ситуацией на Восточном фронте.